

А. Е. Лузина
A. Luzina
г. Екатеринбург, УрГПУ
Ekaterinburg, USPU

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ В ПЬЕСЕ
СОВРЕМЕННОГО ДРАМАТУРГА В. ЛЕВАНОВА «КРОВАВЫЯ
БАРЫНИ ДАРЬИ САЛТЫКОВОЙ, МОСКОВСКОЙ СТОЛБОВОЙ
ДВОРЯНКИ, ПРАВДОПОДОБНОЕ И ЕЛИКО ВОЗМОЖНО
ДОСТОВЕРНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ»**

**THE INTERPRETATION OF DARYA SALTYKOVA IN THE PLAY
BY CONTEMPORARY RUSSIAN PLAYWRIGHT V. LEVANOV «BLOODY
LADY DARYA SALTYKOVA, MOSCOW COLUMNAR NOBLEWOMAN,
LIKELY AND AS MUCH AS POSSIBLE RELABLE BIOGRAPHY»**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению исторической драмы В. Леванова «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание», написанной на основе биографии данной личности и представляющей собой драматизированную биографию. В статье рассмотрен образ Дарьи, его сходство с биографическим образом, его развитие, причины поведения барыни, её взаимосвязь с остальными персонажами произведения, композиция пьесы.

Ключевые слова: В. Леванов; современная отечественная драматургия; пьеса с элементами биографии; образ Дарьи Салтыковой; отрицательное поведение; система образов; страх; мотив звериности; мотив бесовства.

Abstract: The article is devoted to the historical drama of the by V. Levanov «Bloody lady Darya Saltykova, Moscow columnar noblewoman, likely and as much as possible reliable biography» written based on the biography of this person and representing dramatizing biography. The article considers the image of Daria, its similarity with the biographical image, its development, the reasons for the behavior of the lady, her relationship with the other characters of the work, the composition of the play.

Keywords: V. Levanov; modern domestic drama; play with elements of biography; the image of Darya Saltykova; negative behavior; system images; the fear; the motive of the beast; the motive of the demonic.

В современной отечественной драматургии одной из заметных тенденций является интерес авторов к биографиям знаменитых людей. К числу таких произведений относятся пьесы Михаила Хейфеца («Спасти камер-юнкера Пушкина», 2011 г.), Елены Исаевой («Счастливый Моцарт», 1997 г., «Вечная радость», 1997 г.), Елены Греминой («Братья Ч.», 2011 г., «Сахалинская жена», 2002 г., пьеса «За зеркалом», 1993 г.), Олега Богаева («Вишневый ад Станиславского»), братьев Олега и Владимира Пресняковых («Пленные духи», 2002 г.) и многих других

драматургов. К авторам, поддерживающим тенденцию, связанную с созданием пьес-биографий, относится Вадим Леванов (1967–2011 гг.), чье творчество протекает в русле психологического театра.

Пьеса В. Леванова «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание» (2010 г.) является частью дилогии и посвящена реальному историческому лицу – Дарье Николаевне Салтыковой, по прозвищу «Салтычиха».

Дарья Николаевна Салтыкова жила с 1730 по 1801 гг. В историю данная фигура вошла своими зверствами: известно, что после смерти мужа, горячо любимого ею, она погубила более ста душ, издеваясь над ними (избивала палками, била головой о стену, обливала кипятком и т. д.), а также вела распутную жизнь. В течение семи лет Дарье прощались все ее ужасные поступки благодаря ее связям и родословной, но в 1762 году двое мужиков, чьих жен Салтыкова беспощадно убила, смогли подать жалобу на барыню самой императрице Екатерине II. По итогам следствия Дарью приговорили к смерти, но императрица изменила решение и, лишив Салтычиху дворянского титула, приказала привязать к столбу на площади, после чего женщину перевели в тюрьму в Ивановском девичьем монастыре, где она родила ребенка от солдата, сторожившего ее. Там Дарья прожила до самой своей смерти [1].

Рассмотрим образ Салтыковой, созданный Вадимом Левановым. Во многом художественный образ идентичен реально существовавшему человеку. Муж Дарьи при жизни не раз изменял ей, о чем женщина знала, но из любви смиренно прощала ему все. После смерти мужа героиня становится убийцей, хотя прежде пытается заглушить боль обращением к Богу – ездит по святым местам, молится, но ничто не может облегчить ее душевные муки. Именно поэтому она начинает причинять боль другим. Исследователь И. И. Плеханова в своей книге характеризует данную пьесу как историческую драму, анализирующую «садомазохистские импульсы и доминанты сознания». В своем анализе она делает акцент на психико-биологическом рассмотрении неадекватного поведения Дарьи. Цель драматурга – исследовать «феномен садомазохистской одержимости», который объясняется тем, что у человека изначально наблюдается «... предрасположенность к патологии и условия её развития, а также совместимость с возвышенными состояниями сознания».

Изначально Дарья – часть народа, ведь она, как и всякая русская женщина, вынуждена терпеть измены и грубость своего мужа. Можно вспомнить, как она рассказывает об эпизоде из детства, когда при ней избивали девушку. Дарья при виде этого зрелища испытывает страх, она еще не превратилась в ужасного зверя, ей еще присуща человечность. Прохор говорит, что она «... обрела свободу и зато в темнице, постоянно мучает всех и все у нее не свободны» [3]. Именно через боль, причиняемую ею другим людям, она преодолевает собственные страдания, освобождается от них, владеет рабской нацией людей, привыкших терпеть боль.

Важную роль в образе Дарьи играет мотив звериности, бесовства: автор в ремарках и герои постоянно сравнивают женщину с животным, чертом, упырем, ведьмой, монстром, Бабой Ягой и т. д. В Дарье как бы сконцентрировалось все зло, она уподобляется дьяволу. Звериность и инфернальность отражаются

и во внешности героини: «И вдруг, прямо за прутьями супротив лица моего, явился – уродливое, страшное, искаженное... Вынырнув из тьмы, будто из нее и сотканное – цвета земли или каменных стен серых – ее лицо, лицо мертвеца, заживо погребенного... Морщинистое, скукоженное, в коросте лицо, голый почти череп в струпьях, видный сквозь слипшиеся жидкие бесцветные волосья... И глаза – мнилось тогда огромные, белесые, выцветшие и какие-то... дикие... Глаза нелюдя, зверя, чудища... А еще помню – пасть ее – беззубую, но все одно страшную и отверстую... И рука ее скользнула меж прутьев быстро-быстро, как мольня, и длинные, загнутые когти ее – тож будто звериные оцарапали лицо мне!» [3]. Это первое впечатление Прохора – сына Салтычихи.

События в пьесе расположены не в хронологическом порядке: мы то и дело перемещаемся от жизни Дарьи в темнице монастыря в ее прошлое (сцены с еще живым любовником и сцены издевательств над людьми), затем к Екатерине II. После автор переносит нас к маркизу де Саду и Прохору в психиатрическую лечебницу. Композиционные особенности пьесы, рассмотрение жизни Дарьи с нескольких временных ракурсов и нескольких точек зрения помогают читателю лучше понять натуру Дарьи, причины ее трансформации. С помощью постоянных разговоров о Дарье Леванов создает легенду о ней. Это особенно проявляется в эпизодах с Екатериной II, с народом, пришедшим из любопытства поглядеть на Салтыкову, в рассказах Прохора, в разговоре святой Ксении с мужиками. Часто мы слышим о Дарье из уст разных людей. Народ говорит о Салтычихе со страхом, любопытством, ненавистью и презрением. Образ Салтычихи, стоящий перед глазами народа, – это образ самого дьявола, совращающего людей, пожирающего человечье мясо, губящего все живое. С ужасом узнает о ней императрица. Даже на сюжетном уровне драматург не показывает состояние Дарьи сразу после смерти мужа. Примечательно, что прежде мы видим людей, говорящих о Дарье, затем де Сада и Прохора, и только после этого появляется сама Дарья. Завершается пьеса той же конструкцией – разговором народа о Дарье и последующим монологом Прохора, драма как бы окольцована. Все это указывает на важность общественного мнения, сложившегося о Дарье. И. И. Плеханова пишет о том, что драматург использует «... монтаж голосов и эпизодов, что соответствует сложившейся практике НД – калейдоскопическому изображению человека и социума» [6]. Это способствует раскрытию характера главной героини. Дарья проходит определенные ступени, двигаясь по следующим сферам: духовной, народной, господской. Это путь, ведущий в бездну, он изначально предполагает гибель Салтычихи. Вселяя в людей ужас, Дарья властвует над всеми: ею была куплена вся Москва, ей подчиняются крепостные, даже сама императрица не в силах ничего сделать с ней.

Если обратиться к тексту, то мы найдем монолог Прохора, в котором он объясняет поведение своей матери: «Она же с христианским подлинно смирением все эти мужнины выверты сносила и попреками его не терзала. Но, видно, копилось у ней в душе – как сажа в трубе – чернота непроглядная, злая темень. Сосал червь сердце ее... От любви к мужу она терпела и мирилась. А тут, как на грех, он возьми – да помри в одночасье – от апоплексического удара, как доктор сказывал. Для нее весь свет не мил сделался – небо с овчинку, сквозь слез свету

не видать. Она от горя вся помертвела, будто сама померла. Хотела руки на себя наложить, но уберег Господь. И от муки такой сердце в ней скукожилось, очерствело, сделалось как камень, а душа в ней сникла, зачахла, будто замерзла и в темноту погрузилась, в сон беспробудный. Одним словом говоря – ожесточилась она внутри себя... Однако ж поскольку во вдовый наряд пришлось ей обрядиться двадцати шести годов от роду, то есть не совсем старухой еще, натура, женское естество своего требовали... Она и от мужа-то ласки не много видела... Она и на богомолье езживала – в Киев, и в Лавру, и в Оптину пустынь, и по другим многим святым местам. Но успокоения ни душевного, ни плотского не обрела...» [3].

В любви Дарьи было больше плотского, нежели духовного, не зря она постоянно сравнивается со зверем – ее чувство звериное, земное. Звериная любовь проявляется и в сценах с любовником Дарьи – Николаем Тютчевым, тогда же видна и жестокость Салтычихи, вызванная ревностью. В пьесе есть сцена, где молодой надсмотрщик Иван признается Дарье в том, что испытывает к ней, говорит о том, что мучения Дарьи для него становятся сладостью, и спрашивает, взаимно ли это, чем вызывает у женщины слезы. Чтобы понять данный эпизод, необходимо обратиться к другой сцене, в которой отображена та же ситуация, но вместо Ивана – Николай Тютчев, а Дарья поставлена на место Ивана. Возможно, именно в этот момент в темнице Иван напоминает Салтыковой саму себя, ее неразделенные чувства.

Сама же Дарья говорит о том, что Бог сделал ее такой, лишив мужа. И. И. Плеханова считает, что «... религиозность Салтыковой присутствует как дань тогдашней картине мира, как культурный рефлекс, она не бунтует против бога и, находясь в монастыре в заточении, мирно беседует со старой монахиней, высказывая своё скептическое отношение к Ксении» [6]. Первая пьеса дилогии В. Леванова была посвящена святой Ксении, она вновь появляется во второй пьесе как героиня, противостоящая Дарье. Так в дилогии возникают полярные полюса человеческой личности, фигуры, за которыми стоят традиционные образы Бога и дьявола.

Дарья лишена покаяния, не зря автор приводит сцену, в которой женщина, присутствуя на исповеди у священника, перечисляет ему все свои грехи, но при этом не испытывает ни капли раскаяния. Так и на протяжении всей пьесы мы не видим ни намека на сожаление Дарьи о своих преступлениях.

И в пьесе, и в биографии упоминается, что особенно жестоко Салтыкова наказывала за нечистоту в доме. Мотив чистоты не раз возникает на протяжении всей драмы: Дарья моет полы в камере перед тем, как между ней и Иваном возникнет связь; после того, как Салтыкова забеременела, она видит призрак Анны, моющей полы; именно эта крестьянка была убита барыней за нечистоту в доме. Можно допустить, что чистота, к которой так стремится Дарья, является ее попыткой скрыть душевную нечистоту.

В пьесе Леванова не случайно возникает образ маркиза де Сада. В основе образа данного персонажа также лежит реальная историческая личность. Маркиз де Сад – это французский писатель, живший с 1740 по 1814 гг. Именно от его имени пошло понятие «садизм», т. к. в этом человеке сочетались жестокость

и разврат. Несколько раз он был заключен в тюрьму и приговорен к смерти, но всякий раз избегал гибели. Умер де Сад в лечебнице для душевнобольных [1]. Известно, что Салтычиху называли «русским де Садом». Мы видим, что в их судьбах есть переключки: оба вели жизнь, полную разврата, и были изуверами, оба пребывали в темнице и избежали смертной казни. Со своим прототипом де Садом Салтычиха не встречается. Она даже не знает о нем. Маркиз же вынужден узнать историю этой женщины из уст Прохора – сына Дарьи. С образом де Сада и Салтыковой связан мотив безумия. Не зря к героине постоянно приходят призраки убитых ею людей. Они являются персонификацией уснувшей совести Салтыковой.

Дарья молится о том, чтобы Бог послал ей ребенка, который бы прекратил ее мучения, но делает это из эгоистических побуждений. Ребенок помог бы ей избежать жестокого наказания, она считает, что императрица, узнав о рождении младенца, смилуется, а Дарья сможет вернуться к счастливой жизни. Дарья уверена в своих несправедливых мучениях, что делает ее молитву искренней (во время поклонов она даже разбивает лицо о пол темницы). Многие персонажи пьесы предрекают Салтыковой рождение чудовища, которое отомстит Дарье за боль, причиненную людям. Призрак Анны проклинает Дарью за то, что она убила саму Анну и ее ребенка: «Кого родишь?! Чудищу? Чтоб он тебе за лютую погибель нашу отмщенье сделал! Чтоб тебе утробу разорвало!». «Кто из утробы твоей выйдет? А? Человек ли? Божье создание? Али чудище обло?.. Изверг рода человеческого?! Изувер, что тебя в злодеяньях переусердствует!..» – говорит надсмотрщик Анисим [3]. Во время беременности Дарья действительно много мучается. В итоге у женщины рождается сын от солдата, приставленного ее сторожить и заплатившего за рождение ребенка своей жизнью. Но едва родив ребенка, Дарья сейчас же его лишается: младенца забирают и говорят его матери, что он погиб.

За всю жизнь ее сын Прохор лишь раз встречается с матерью. Он приходит к темнице и со страхом, которым наслаждается, заглядывает за решетку темницы. Дарья нападает на него и оставляет на его лице царапины, которые потом долго не заживают.

В пьесе есть несколько важных монологов Прохора о боли как о наслаждении и облегчении существования, о рабской нации русских, которые не могут жить без боли и угнетения. Объяснение Прохором героизма находится в середине пьесы и следует сразу за рассказом Дарьи о том, как она наслаждалась людским страхом, стоя на эшафоте. Понимание страха Прохором дополняет понимание Дарьи, а также устанавливает между ними очевидную связь.

Плеханова также пишет о большом значении монологов Прохора. Она говорит следующее: «Прохору же автор вложил в уста размышления о том, что зверства Салтычихи – норма крепостного права. Он же рассуждает о садомазохистском комплексе всего народа». Прохор унаследовал от матери склонность к припадкам, но он лишен разврата и способности продолжать род. Склонность Дарьи к физическому насилию у Прохора становится мучительным словом, способностью говорить жестокую правду. Если Дарья убивает в темнице Ивана, задушив

его, то Прохор в психлечебнице убивает де Сада именно своим словом, хотя маркиз даже не понимает, что говорит «ужасный скиф» и «русский варвар». «Де Саду вернулось то зло, которое он выпустил на свободу и легитимизировал своим словом», – говорит Плеханова [6]. Признание Прохора в том, что он сын Дарьи, является сильным потрясением, приводит к смерти де Сада и вызывает катарсис. Оно мучительно не только для маркиза, но и для его надзирателя, который страдает от того, что рожден чудовищем.

Т. В. Журчева в своей статье говорит: «Мотив эгоизма как причины абсолютного зла – ключевой для второй пьесы» [2]. Она объясняет причины поведения Салтыковой неспособностью женщины любить других. И. И. Плеханова же утверждает, что причина, по которой Салтыкова совершает ужасные поступки, – это «... сознание превосходства и, как следствие, жажда власти» [6]. И. И. Плеханова пишет, что в дилогии Леванова изображены «... три стороны человеческого сознания, взятые на пределе: интеллект (безнравственный) – сладострастие (ожесточённое) – душевность (беззаветная)» – это соответственно маркиз де Сад, Дарья и Ксения. Рассказ Леванова характеризуется «... развёрнутым анализом психофизиологических причин и социальных следствий». «Драматург понимает душевную болезнь как проявление человеческой природы, трое – Дарья, де Сад и Прохор – отмечены разной степенью тяжести заболевания, природа которого – зачарованность злом, тяготение жестокости к насилию, насилия к зверству – как способ пережить полноту власти и самовыражение разрушительной воли», – считает исследовательница [6].

Нам кажется, что обе эти точки зрения уместны и верны, Дарья Салтыкова эгоистична и властолюбива, а причиной того, что она становится такой, является неразделенная любовь, долгое время мучавшая героиню, и потеря любимого. Леванов, используя биографию Дарьи как первооснову, акцентирует внимание на любви, разлученной смертью. Через образ Салтычихи реализуется эксцесс, о котором говорит Ю. М. Лотман, – ее поведение, отличающееся особой жестокостью, нестандартно и выбивается за рамки, поэтому она и удостаивается биографии, отличаясь своим образом жизни от других [5]. В противоречии правилам – их нарушении или стремлении к духовному идеалу – усматривается необыкновенная сила духа, отсюда и возникновение биографии неординарной личности. Дарья Салтыкова нарушает общественные нормы и удостаивается возможности обладать собственной биографией.

Библиографический список

1. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2.html>.
2. Журчева, Т. В. Документ и его интерпретация в пьесе Вадима Леванова «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии» / Т. В. Журчева // Филология и культура. – 2014. – № 3(37).
3. Леванов, В. Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание / В. Леванов. – <http://1piar.ru/folio/folio-83438.php>.

4. Леванов, В. Святая блаженная Ксения Петербургская в житии / В. Леванов. – <http://magazines.russ.ru/ural/2007/10/le6.html>.
5. Лотман, Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман. – <http://aptechka.holm.ru/statyi/teoriya/lotman/lotman28.html>.
6. Плеханова, И. И. Новая драма: имена и тенденции : учебное пособие / И. И. Плеханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 400 с.